

К вопросу о планировании торговли¹

I

Если в промышленности задачу планирования можно считать разрешенной, — худо или хорошо, но из года в год мы составляем и частно-промышленные, и общепромышленные планы, равно как существенные успехи достигнуты в деле перспективного планирования, — то в торговле общее планирование составляет еще проблему, о которой пока только мечтают, да и частное планирование идет путями, которые требуют серьезной проверки. Объясняют это трудностями, вытекающими как из положения у нас торговли, так и из самой ее природы. Промышленность в основных своих массивах национализирована. Таким образом, главный объект планирования находится в полной зависимости от планирующих органов. С другой стороны, наиболее влиятельные факторы промышленного строительства и развития его — капитал, сырье и рабочая сила — поддаются правильному учету, при чем их значение достаточно изучено, чтобы с наибольшей степенью достоверности можно было говорить об их эффективности в рамках как оперативного, так даже и перспективного плана.

В другом положении находится торговля. Ее задача увязать спрос с предложением. Но производство, являющееся первоисточником предложения товаров, состоит только в одной своей части под непосредственным воздействием планирующих (регулирующих) органов. По контрольным цифрам на 1927/28 г. из 14.201 млн. руб. валовой продукции промышленности на долю госпромышленности и кооперации приходится 12.345 млн. руб., при 1.856 млн. руб. валовой продукции частной промышленности. Если таково же взаимоотношение социальных секторов и в товарной продукции промышленности, то выпускаемые ею на рынок товары распадаются на две части: контролируемую часть в 10.277 млн. руб. (без акциза) и неконтролируемую (товарную продукцию частной промышленности) в 1.545 млн. руб. Сельскохозяйственную товарную продукцию, кроме продукции лесоводства, можно целиком отнести к категории неконтролируемой товарности, ибо место кооперации и совхозов тут не велико; во всяком случае, если товарную продукцию лесоводства отнести целиком

¹ В порядке обсуждения. Ред.

к контролируемому предложению, то с излишком покрывается недоучет контролируемого предложения по остальным отраслям сельского хозяйства. Следовательно, в сельском хозяйстве контролируемому предложению в 750 млн. руб. противопоставляется неконтролируемое предложение в 5.991 млн. руб. К контролируемому предложению отнесем и весь импорт, приняв его в цифре 1926/27 г. В результате мы получаем для 1927/28 г. контролируемое предложение в размере 11.866 млн. руб. и неконтролируемое в 7.536 млн. руб., т.-е. последнее составляет 38,8% всего товарного предложения.

Еще хуже обстоит со спросом, так как весь спрос, вытекающий из личного потребления населения, а также из производственного потребления крестьянского хозяйства и частной промышленности, стоит вне контроля; под контролем находится только товарный спрос обобществленной промышленности, транспорта и государственных учреждений. В своей пятилетке ВСНХ СССР¹ принимает личное потребление продуктов планируемой промышленности в 49,4% ее товарной продукции. Распространив этот процент на всю промышленную товарную продукцию, получаем объем личного потребления промтоваров в 5.840 млн. руб. Остальная товарная продукция распространяется между разными видами производственного потребления. Отсюда к внеконтрольному производственному спросу мы относим товарное потребление неконтролируемой промышленности — около 386 млн. руб. и производственное потребление сельского хозяйства (цифра ВСНХ СССР) — 340 млн. руб. С другой стороны, по расчету того же ВСНХ СССР потребление госпромышленностью сельскохозяйственного сырья составило в 1926/27 г. 38,5% всей товарной продукции сельского хозяйства. Прибавив сюда 27,6% за счет сельскохозяйственного экспорта и государственного потребления, получаем 56,1% контролируемого спроса товарной продукции сельского хозяйства, или 3.782 млн. руб. В итоге контролируемому спросу в 9.877 млн. руб. противопоставляется для 1927/28 г. неконтролируемый спрос в 9.525 млн. руб., т.-е. обе доли спроса почти равны между собою.

Итак, стоя перед задачей планирования, торговле приходится учитывать высокую степень стихийности в предложении и еще более высокую степень стихийности в спросе. Но, кроме того, между спросом и предложением, как полюсами товарообращения, располагается связывающая их сила в виде торгового аппарата, также сохраняющего еще у нас, до известной степени, стихийный вид. Некоторый процент продукции промышленности (правда, небольшой) легально достается частному торговому аппарату, нелегально же он распоряжается еще большим процентом. В отношении же реализации продукции частной промышленности частный торговый аппарат вовсе не ограничен.

¹ „Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР“. М. 1927.

В деле реализации сельскохозяйственной продукции мы вообще находимся еще на первых ступенях к обобществлению торгового аппарата. Всего сильнее последний развернут в хлебных заготовках. Однако, пока он рассчитан лишь на удовлетворение нужд экспорта, городского потребления и отчасти сельского потребления потребляющей полосы. Таким образом, то, что можно назвать внутридеревенским, частью даже внутрирайонным хлебным товарооборотом, играющим большую роль в реализации урожая, остается вне обобществленного торгового аппарата, не говоря о том, что серьезной проверки требует вопрос, в какой мере и обобщественная хлебная заготовка соприкасается непосредственно с крестьянином-производителем, а не проходит некоторой стадии частного посредничества, в лице деревенского скупщика. Обобщественная реализация сильна в отношении льна-волокна, благодаря широкому развитию льняной кооперации, но и здесь значительная доля продукции льна попадает в частные руки. Так называемое экспортное масло все сосредоточено в руках обобществленного аппарата, но оно составляет не более 25—30% всего нашего товарного масла. В остальных отраслях сельскохозяйственной продукции обобщественная заготовка еще более слаба, при чем непосредственные связи ее с крестьянином-производителем вызывают серьезные сомнения; в деле же реализации этой продукции на потребительских рынках место частного весьма значительно.

Учесть силу частного торгового аппарата чрезвычайно трудно, так как он выполняет большую часть функций, не требующие постоянно действующих торговых организаций. Однако, и последние показывают, что роль стихии не мала в нашем торговом аппарате. Более или менее удовлетворительный статистический учет торговых заведений и их оборотов имеется пока только для первой половины 1925/26 г., и вот что он показывает для СССР (без Узбекистана и Казакстана):

	Всего	Частный	%
Торговые заведения			
Оптовые	6.519	1.500	23,0
Оптово-розничные	9.563	3.404	35,6
Розничные	490.669	373.330	76,1
Обороты (млн. руб.)			
Оптовые	4.783	277	5,8
Оптово-розничные	2.109	294	14,0
Розничные	5.328	2.012	37,7

С точки зрения завоевания „командных высот“ торговли табличка рисует не плохую картину. В опте обобществленный сектор стоит вне конкуренции; его сила значительна и в рознице. Но для планирования торговли рисуемое табличкой положение говорит о больших затруднениях. Если и в отношении промышленности мы

не поднимаемся на уровень научного планирования до тех пор, пока не перестанем считать объектом его только то, что непосредственно подчинено общественному регулированию, т.е. государственную и кооперативную промышленность, то тем менее планирование торговли укладывается в рамки непосредственного и прямого регулирования. Торговый оборот — это соотношение спроса и предложения. Так как нельзя увязать спрос и предложение, не имея перед собою как спрос, так и предложение в полном объеме, то всякое частичное планирование будет планированием не торговли, а отдельных ее отправлений, планированием односторонним, малорезультативным, не отвечающим требованиям планируемого народного хозяйства. Когда мы будем говорить о частных наших торговых планах, этой стороны вопроса придется коснуться подробнее. Здесь же констатируем тот факт, что правильное планирование требует охвата всей торговли, т.е. не только обобщественной торговли, но и частной. В этом то и усматривают главные трудности общеторгового планирования, имея перед собою ту роль, которую, как мы показали выше, продолжает у нас играть стихия товарооборота, с одной стороны, и торговая стихия, с другой стороны.

Даже и в среде бесспорных сторонников народнохозяйственного планирования господствует взгляд, что к общему торговому планированию нужно еще „притти“ и что мы придем к нему, как к результату широко разветвленного и углубленного частного планирования, когда суммирование усовершенствованных частных планов, охватывающих разные отрасли товарооборота, механически приведет к единому торговому плану. Неправильность такого взгляда очевидна. С точки зрения узко оперативной, точнее технической, торговля распадается на отрасли. Торгуют не товарами, а мануфактурой, железом, бакалеей и т. д. Но отдельные отрасли торговли существуют потому и постольку, поскольку существует товарообмен, в котором все участвующие в нем конкретные товары неразрывно связаны между собою, находятся в причинной зависимости друг от друга, составляют только элементы единого целого. Очевидно, не только нельзя ждать, чтобы частное планирование привело к общему торговому планированию, но само частное планирование не станет на правильные, прочные рельсы до тех пор, пока общее планирование не сделается его фундаментом. Даже в отдельно планируемых отраслях торговли мы идем от „просчетов“ к „просчетам“, часто выбивающим из колеи всю нашу народнохозяйственную жизнь. Пример плана хлебных заготовок настоящего года не единственный. Значит ли это, что наши плановики плохо работают? Конечно, нет. В рамках частных планов, не имея для своей ориентировки общеторгового плана, самый лучший плановик должен идти ощупью, догадками, „интуицией“, пригодными для анархического, но не планового хозяйства.

II

Частные планы торговли — это, главным образом, планы заготовки сельскохозяйственных продуктов. И вот первый результат того, что это только частные планы, без общеторгового фундамента. На обобществленную торговлю сельскохозяйственными продуктами нэп возлагает весьма ответственную задачу. Помимо планового снабжения городского населения, она должна быть одним из средств социализации деревни. Для этого, прежде всего, необходимо, чтобы обобщественная торговля не только охватывала наибольшую долю товарности сельскохозяйственной продукции, но и воздействовала в максимальной степени на размеры товарности последней. Одно место в социалистическом строительстве занимает крестьянин, превращающий свой лен в самотканную одежду, и другое занимает крестьянин, который видит все экономические выгоды обмена льна на фабричную ткань. Связь его с рабочим — не абстракция, а бьющая в глаза реальность. Для крестьянина, продающего зерно и покупающего муку, потому что на промышленной мельнице помол обходится дешевле и продукт получается лучшего качества, сотрудничество с пролетариатом диктуется самой жизнью.

Коллективизация деревенского труда находит лучшую свою поддержку в товарности крестьянской продукции. От дореволюционного времени мы в этом отношении получили незавидное наследство. Империалистическая война и контр-революция еще более ухудшили положение. Что же делает наша обобщественная торговля для разрешения проблемы, столь важной для эпохи строительства социализма? Ничего. Планы заготовок сельскохозяйственных продуктов вращаются около той их товарности, до которой деревня сама дошла, и вовсе не затрагивают проблемы ее развития и углубления. И, конечно, не частные планы тут виноваты. Развитие товарности в деревне зависит не от одной только торговли. Но и ее роль тут значительна. Хороший, умелый, скажем, сознательный торговый аппарат создает товарность и там, где производственный фактор ей не благоприятствует в достаточной степени, не говоря о способах его воздействия на последний. Однако, проблема товарности деревни разрешима в общем объеме, как проблема товарообмена в целом, а не как проблема товарности зерновой продукции, мясной и т. д. Весь строй, весь уклад крестьянского хозяйства, — и как субъекта производства и как субъекта потребления, — должны быть учтены, чтобы проблема товарности деревни стала реальной задачей экономической политики, в частности, торгового воздействия в условиях планируемого народного хозяйства. Хлебная товарность, товарность молочная, мясная и т. д. составляют, конечно, объект частного планирования. Но место их в крестьянском хозяйстве, их объем и их значение, их реальная сила и потенциальные возможности, их настоящее и будущее, — все это определяется не частными планами, имеющими дело с каждым продуктом в отдельности, т. е. с отдельными элемен-

тами крестьянской товарности, а общим торговым планом. Судьба товарности каждого продукта зависит от судьбы товарности всех других продуктов сельского хозяйства. И даже не от них одних. Ибо свою роль тут играют все без исключения элементы крестьянской доходности (в том числе, например, отхожие промыслы, извоз и т. п.) в их взаимоотношении к крестьянским расходам.

Планы заготовок так, как они ставятся теперь, это — планы извлечения из деревни некоторой доли ее товарной продукции, необходимой для удовлетворения потребности города, обобщественного сектора промышленности и государства. Только эта доля рассматривается как объект обобществленного товарооборота и наполняет содержанием заготовительные планы, как будто в самой производящей сельскохозяйственные продукты деревне нет внутренних торговых операций с ними, нет покупающих эти продукты групп населения, нет местного обмена между группами и т. д. Сельская торговля продуктами местного производства гораздо значительнее по объему и важнее по социальному содержанию, чем это кажется. Маломощные в сельскохозяйственном отношении группы деревни покупают товары местной продукции за счет внесельскохозяйственных заработков. Группы, более состоятельные, продают одно, чтобы покупать другое. В общем, фактические отчуждения деревни превышают то, что выбрасывается из деревни, равно как в потребляющей деревне, нуждающейся в привозе сельскохозяйственных продуктов, имеются группы крестьян, которые эти же продукты выбрасывают в местный товарооборот. Создается большой рынок внутреннего товарооборота продуктами местного производства, рынок, который в деле обобществления торговли важен сам по себе, — хотя бы потому, что он служит ареной для всяческих кулацко-ростовщических манипуляций, — и который, помимо того, не оставляет без своего влияния всей торговли сельскохозяйственными продуктами.

Итак, частное планирование превращает регулирование торговли сельскохозяйственными продуктами из сильного средства содействия социализации деревни в односторонний способ обобществленного извлечения из деревни некоторой части ее товарной продукции. Это — основной порок частного планирования, отрывающий его в сильной степени от задач, разрешаемых нэпом. Однако, и в этой постановке частного планирования мы в его отношении напоминаем собою мольеровского мещанина, который не подозревал, что он говорил „прозой“. Ведь чистое недоразумение, будто оно стоит вне основных построений, которые должны быть главными элементами общего торгового плана, и, следовательно, не зависит от него. Возьмем для примера хлебные заготовки. Чтобы определить излишки, подлежащие заготовке, необходимо, во-первых, исчислить хлебную продукцию и, во-вторых, определить хлебное потребление самой деревни. Получается потенциальная товарность. Отсюда должны перейти к реальной товарности. С одной стороны, выдви-

гается вопрос, сколько хлеба должно быть заготовлено, т.-е. какова потребность в хлебе города, промышленности и т. д. С другой стороны, необходимо выяснить пути извлечения хлеба из деревни. Один путь сравнительно прост — сельхозналог, хотя и тут требуется серьезное „уточнение“ плана, чтобы получить тот хлеб и в том количестве, который соответствует нуждам заготовки. Сложнее другой путь: против той части подлежащего извлечению из деревни хлеба, которая не охватывается сельхозналогом, требуется эквивалент, главным образом, в виде непродовольственных деревней товаров.

Какие товары приемлемы для деревни, в какой сезон и в каком количестве? Какая доля их покроется хлебом и какая другими продуктами сельского хозяйства? Какие товары, в какие месяцы и в каком количестве город может уделить деревне и как они должны быть распределены между отдельными продуктами сельского хозяйства соответственно потребностям города? Далее, требуется выяснение торговых путей продвижения хлеба от производителей к заготовке и от заготовки к потребителю, равно как продвижение эквивалентных товаров в деревню. Серьезный хлебозаготовительный план должен охватить все перечисленные и ряд неперечисленных моментов; иначе план не облегчит, а затруднит заготовку. Но не значит ли это, что частный план хлебозаготовок всеми своими нитями связан с коренными проблемами товарооборота, разрешаемыми в рамках только общеторгового плана, а при его отсутствии требующими своего разрешения специально для хлебозаготовок, т.-е. для каждого частного плана в отдельности, ибо моменты, которые мы отметили, как неминуемые при составлении плана хлебозаготовок, обязательны, с теми или иными особенностями, для всех частных планов. И они, эти моменты, фигурируют в самом деле в каждом частном плане. Но как? Там, где требуется знание и научная обработка, применяются поверхностные, недостаточно проверенные, экономически непроанализированные, часто чрезвычайно спорные, а потому вполне субъективные соображения и догадки.

Одним из основных препятствий к составлению общеторгового плана считают недостаточную изученность проблемы потребления, особенно его динамики. Но без проектировки потребления невозможны и частные планы. И оно проектируется в каждом частном плане, но без серьезной, даже эмпирической базы (нельзя же ради каждого частного плана предпринимать хотя бы эмпирическое изучение столь сложной и мало разработанной проблемы), и это — одна сторона дела. Но не менее важна другая сторона: проектируется потребление каждого продукта независимо от других, хотя зависимость между отдельными статьями потребления, даже бюджета в целом, не требует доказательств ни для города, ни для деревни. И вот результат. Для всех ясно, что в Советской стране потребление и города и деревни должно постоянно улучшаться. И его „улуч-

шают“ в каждом частном плане в отдельности. Получается не улучшение, например, питания, понятное и логическое, как следствие Октябрьской революции, улучшение выражающееся в изменении его структуры, в замене одностороннего питания разносторонним, а разбухание всех продовольственных статей, чаще всего только бумажное разбухание, затрудняющее, разумеется, практическую работу по заготовкам. В тех же случаях, когда разбухание получается реальное, то его следует рассматривать не как правильный прогноз частного плана, а как его порождение. Это преимущественно относится к деревенскому потреблению. По планам в деревне растет потребление и хлеба, и мяса, и яиц, и молочных продуктов, а в соответствии с этим ростом, если не абсолютно, то относительно, сокращается „товарность“ всех этих продуктов. Но в какой мере тут играет роль улучшение питания и в какой сам план заготовки, преувеличивающий рост потребления, следовательно, сокращающий размеры возможных заготовок, приспособляющий соответственно заготавливающий аппарат и тем самым ограничивающий для деревни возможность реализации своей потенциальной товарности, которая искусственно возвращается в резервуар натурального потребления?

То, что мы называем разбуханием потребления, по указанной причине, получает даже статистическую поддержку, которая придает частному плану „полную солидность“. Яркий пример такой „солидности“ дают планы льнозаготовок. За годы частью империалистической, но, главным образом гражданской войны, разрушившей промышленность и лишившей деревню фабричного текстиля, сильно выросло внутрихозяйственное крестьянское потребление льна — с 2.300 тыс. пудов по территории нынешнего СССР в 1909—13 гг. до 5.890 тыс. в 1924/25 г. Если взять большой период довоенного времени, то окажется, что внутрихозяйственное крестьянское потребление льна обратно пропорционально состоянию текстильной промышленности, главным образом, хлопчатобумажной: если накануне войны, как мы только что указали, внутрихозяйственное потребление льна составляло 2.300 тыс. пуд., то для начала 90-х годов прошлого столетия имеется цифра в 3,8 млн. пуд.¹ В связи с увеличением хлопчатобумажной промышленности в два раза за 20 лет, внутрихозяйственное потребление льна сократилось на 65%. Современная наша текстильная промышленность развивается из года в год. Сравнительно с 1924/25 г. в 1926/27 г. производство увеличилось (в %/0):

Готовых хлопчатобумажных тканей	58,5
„ шерстяных тканей	66,7
Льняной пряжи	52,9
Льняных тканей	40,0

¹ „Производительные силы России“, СПб, 1896. Гл. VIII.

Если взять текстиль суммарно, то уже в 1926/27 г. мы превзошли довоенную продукцию, и если текстиль все еще относится к категории „недостаточных“ товаров, то это объясняется только увеличившимся потребительским спросом. Во всяком случае, какое-то влияние рост продукции текстиля, следовательно, и рост снабжения населения, в том числе сельского, должен оказывать в смысле хотя бы некоторого сокращения внутривоспроизводственного потребления льна. И все-таки льняной баланс, на котором строится план льнозаготовок, исходит из растущего из года в год „оседания“ льна в крестьянском хозяйстве:

1924/25 г.	5.890 тыс. пуд.
1925/26 г.	6.015 „ „
1926/27 г.	6.150 „ „

Для 1927/28 г. „оседание“ проектируется уже в размере 6.242 тыс. пуд. Другими словами, одновременно с увеличением снабжения потребления фабричным текстилем около 1,5 раза, „оседание“ льна в крестьянском хозяйстве увеличивают в плане заготовок на 60%, соответственно сокращая потенциальную товарность льняной продукции. При этом увеличение происходит не в каких-нибудь отдельных районах, в которых производство льна носит потребительский характер, а во всех льноводческих районах, в том числе и районах традиционной продукции товарного льна.

Сказанное о потреблении в не меньшей степени относится к оценкам продукции сельского хозяйства, с которыми частные торговые планы вынуждены оперировать без серьезной критики, что, разумеется, невозможно было бы, если бы в их основании лежал общеторговый план. В последнем нельзя было бы без внимания пройти мимо такого факта, что при увеличении посевной площади, восстановленном животноводстве и птицеводстве и улучшенном питании земледельческого населения, в обстановке культурного оживления дореволюционной деревни продуктивность сельского хозяйства теперь ниже довоенной. Статистика, конечно, констатирует факт. Но тут „статистика“ определенно приходит в столкновение с „экономикой“, не говоря уже о том, что и сама „статистика“ теперь другая: в довоенное время она имела дело с объектом, который стоял вне непосредственного внимания фиска, доверяющего над вопросами сельскохозяйственной продукции в настоящее время.

Большие сомнения вызывает учет сбора хлебов, хотя он носит статистический характер. Но еще хуже обстоит с продукцией животноводства. Прямое статистическое учета она не имеет. Она выводится на основании нормативных оценок, которые большею частью „интуитивно“ принимаются теперь ниже довоенного. Например, носкость кур, чрезвычайно низкая в дореволюционное время (60 штук в год на голову птицы), теперь принимается в еще более пониженной норме. Почему? Культурные гнезда птицеводства в довоенное время были так редки, что на среднюю носкость кур

они не могли влиять. Все определялось обыкновенной крестьянской курицей, которая сохранилась и до сих пор. Кроме того, следует помнить, что в крестьянском хозяйстве теперь остается больше зерна, и это, разумеется, не может пройти бесследно в деле улучшения кормления кур. С другой стороны, поскольку в самом крестьянском хозяйстве поднялось потребление яиц, постольку оно не может не влиять на усиление их продукции. Что тут „интуиция“ игнорирует „экономикой“, показывает хотя бы ход заготовок в 1926/27 г. В третьем квартале последнего года заготовка яиц одновременно с повышением цен сразу выросла сравнительно с 1925/26 г. в три раза, так что за один только этот квартал 1926/27 г. заготовлено было яиц почти столько же (6.384 вагона), сколько за весь 1925/26 г. (7.062 вагона).

То обстоятельство, что частные планы висят у нас в воздухе, не имея того экономического фундамента, которым может быть только общеторговый план, делает их игрушкой в руках, следует прямо сказать, фантастических „балансов“. В стремлении сделать „балансы“ наиболее „реальными“, выводимая ими потенциальная товарность сокращается явным давлением как на актив (уменьшение цифры продукции), так и на пассив (увеличение цифры внутрисельского потребления). Положив в основание частных планов такие „реальные“ балансы, идут дальше и соответственно планируют заготовительный аппарат, т.е. путем развития внеплановых заготовок делают его неспособным к исправлению на практике ошибок балансов. Тут роль играет и специальный фактор — неправильное понимание того, что следует разумеать под рационализацией заготовительного аппарата. К этому вопросу у нас подходят не экономически, а коммерчески: заготовка централизуется, так как это сокращает заготовительные расходы, но зато влияние заготовительного аппарата сосредоточивается на крупных торговых центрах, а вся распыленная потенциальная товарность, которая имеет такое большое значение в нашей деревне, остается либо в распоряжении частного, либо вовсе вне реализации. Нечего доказывать, что этот взгляд на рационализацию заготовительного аппарата, идущий в разрез и с интересами нэпа и с особенностями нашей деревни, не мог бы удержаться в перспективе общеторгового плана.

То же самое следует сказать о проводимой у нас политике заготовительных цен. Яркую картину этой политики и ее результатов дал тов. Микоян в своей речи на XV съезде партии. Но эта политика цен — не случайность, не плод индивидуальных ошибок. Нельзя строить товарные цены для каждого товара в отдельности, как это делают и не могут не делать при частном планировании. При таком подходе обязательно получаются даже не ошибки, а несуразности, — хотя бы то, что политика цен рассматривается как самоцель, а не как средство, что совершенно не соответствует задачам нэпа. Тов. Микоян показал, как политикой цен мы сократили посевы

ячменя. Политикой цен мы в четвертом квартале 1926/27 года приостановили так блестяще развернувшуюся в третьем квартале заготовку яиц. Таких примеров можно привести не мало. И дело тут не в ошибках. При частном планировании иначе и быть не может, ибо теряется народнохозяйственная перспектива, а вместе с нею ступшевыается, нередко извращается весь смысл и вся сущность нэпа, как одного из фазисов переходного времени.

Вопрос об общеторговом плане у нас не нов. По инициативе Госплана РСФСР он в 1925 г. был поставлен Наркомторгом РСФСР. Этим же вопросом занималось совещание, созванное Торговой секцией Госплана СССР в 1926 г. В октябре 1927 г. в созванном Торговой секцией Госплана СССР совещании вернулись к вопросу. Прошлые неудачи заставили последнее совещание осторожно подойти к вопросу: решено заняться разработкой ряда проблем, которые должны лечь в основание общеторгового плана.

Такой подход имеет известный *raison d'être*. Научное построение общеторгового плана требует предварительной проработки таких слабо затронутых исследованием проблем, как законы потребления, товарооборота, торгового аппарата и т. д. Однако, жизнь не ждет, а с этими проблемами легко можно завязаться *ad calendas graecas*: ведь все это не шуточные проблемы! Не возражая против необходимости заняться указанными проблемами, следует поставить вопрос, нельзя ли одновременно приступить к составлению общеторгового плана в виде предварительного варианта, так как самый несовершенный общеторговый план дает возможность привести в систему то частное планирование, которым мы теперь занимаемся. Неудачи, которые с общеторговым планом имели место до сих пор, не должны смущать. До сих пор всю инициативу по составлению общеторгового плана пытались возложить на места, между тем первый опыт может быть по силам только центральным организациям.

Мы, конечно, не забываем трудности, с которыми придется считаться в вопросе об общеторговом плане. Однако, эти трудности окажутся не непреодолимыми, если ясно себе представить сущность общеторгового плана. Всего менее это оперативный план. Поэтому, между прочим, и ошибочно мнение, что общеторговый план может быть суммой частных торговых планов, хотя бы и исчерпывающего их числа. Его природа и природа последних различны. Если частный торговый план дает систему практической, конкретной торговой деятельности на одном конкретном, изолированном участке товарооборота, то общеторговый план, как зеркало, в котором отражаются процессы товарно-денежного хозяйства в целом, ставит себе целью увязку товарных потоков в соответствии с теми целями и задачами, которые вытекают из хозяйственных условий страны, с одной стороны, и из ее экономической политики — с другой. В частных планах спрос и предложение товаров должны являться не искомыми

а данными, которые должны быть получены из общеторгового плана: имея перед собою всю массу товарного спроса и торгового предложения, в общих их суммах и в составных элементах, общеторговый план распределяет их по отраслям торговли и делает их, таким образом, объектом манипуляций для частных планов. На почве скрещения спроса и предложения — в общей сумме, а также в разрезах по товарному, территориальному и социальному, — общеторговый план намечает и исправляет политику цен в их народнохозяйственном взаимодействии, как систему, в которой отдельные элементы связаны между собою причинной зависимостью; эта система цен, которая в общеторговом плане строится в смысле тенденций, конкретизируется в отдельных своих элементах частными планами, учитывая все изгибы находящейся в постоянном движении реальной действительности. Таким же образом распределяются роли между общеторговым и частными планами в отношении торгового аппарата: систему и пути развития дает общеторговый план и на этой общей канве частные планы, каждый в своей отрасли торговли, вышивают свои практические узоры. В этой объединенной концепции цена и торговый аппарат перестают быть самодовлеющими силами, ареной для импрессионистских упражнений, не содействующих, а вредящих нашему плановому хозяйству; они получают свойственное им место — средств для целесообразного построения товарооборота в соответствии с интересами правильного развития народного хозяйства на почве требований экономической политики переходного времени.

Основными затруднениями при составлении общеторгового плана является конструирование — ретроспективный учет и перспективная наметка — спроса и предложения, из которых, как мы указали выше, первый сохраняет у нас стихийность в размере до 50% всего его объема, а второе — около 40%; к этому необходимо прибавить недостатки в учете и перспективных наметках также и в отношении контролируемых спроса и предложения. Однако, так или иначе и товарная продукция, определяющая торговое предложение, и товарное потребление, определяющее торговый спрос, как-то учитываются и прогнозируются в настоящее время для частных планов. При всех несовершенствах этой работы, как она производится теперь, в общей народнохозяйственной увязке, которая обязательна для общеторгового плана, она сама дала бы несравненно лучшие результаты.

Этим мы не хотим сказать, что для общеторгового плана следует сохранить те кустарные приемы, какими теперь пользуются для частных планов — оценки „на-глазок“, соображения канцелярских „экспертов“ и т. п. Для общеторговых планов они вообще невозможны. Наша мысль сводится только к тому, что даже при настоящих наших знаниях производства и потребления научное их использование, которое возможно только в общеторговом плане, дающем един-

ственно правильное представление о товарообращении, которое подразумевает сцепление отдельных элементов спроса и предложения, а не их раз'единение, как и увязку последних между собою, — научное использование даже недостаточных наших знаний производства и потребления могло бы дать эффект, чрезвычайно ценный для торгового планирования, устранив многие из отрицательных моментов, к которым приводят частные планы.

Само собою понятно, что и для общеторгового плана, так сказать, в первом приближении, придется выполнить большую предварительную работу. Материалов для нее накопилось много. Оценки продукции ЦСУ и ВСНХ, бюджетные обследования, разработка данных о торговой сети и посредническом торговом обороте, отчеты синдикатов и торгов, результаты деятельности заготовительных организаций и кооперативных об'единений, опубликованные и неопубликованные специальные работы, так или иначе затрагивающие вопросы, от которых зависит товарообращение, и многое другое, — все это придется собрать (особенно ценны местные материалы), во всем этом придется разобраться, все это нужно будет привести в систему, раньше, чем приступить непосредственно к составлению самого общего торгового плана. Нужно думать, что если бы Госплан СССР взялся немедленно и серьезно за дело и привлек бы к нему республиканские госпланы, при возможном содействии местных плановых комиссий, — можно было бы получить общеторговый план уже к будущему году. И будущие контрольные цифры имели бы в общеторговом плане не только необходимое свое заполнение, но и проверку для основных своих построений и выводов. Главное, получилась бы возможность поставить перед советской торговлей те задачи, которые диктуются требованиями переходного времени, рассчитанного не на неопределенное число лет, а на кратчайший период времени.

Мы бы не хотели, чтобы нас ложно поняли. Было бы непростительной ошибкой из сказанного нами о частном планировании торговли делать вывод о том, что оно до сих пор было каким-то недо-разумением. Заслуги его значительны. Много оно сделало для планирования нашего товарообращения. Более того — сама идея общего торгового планирования создана практикой частного планирования, при чем на общеторговое планирование нельзя было бы смотреть, как на практическую задачу, если бы не была подготовлена для него почва частными планами. Но этот подготовительный период мы уже пережили. Время „партизанской“ борьбы за плановую торговлю прошло. Тут уже не должно быть места частным торговым планам, существующим независимо друг от друга и от всей системы торгового планирования. Они должны стать надстройками на общем торговом плане, реализующем задания социалистического строительства.